

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-181-188
УДК 93/94

Социально-политическая активность крестьян Воронежской губернии в 1917 г.: сотрудничество с властью и география пониженной конфликтности

Михаил Егорович РАЗИНЬКОВ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова»
394087, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2175-9759>, e-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Social and political activity of Voronezh Governorate peasants in 1917: cooperation with the authorities and geography of reduced conflicts

Mikhail E. RAZINKOV

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov
8 Timiryazeva St., Voronezh 394087, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2175-9759>, e-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Аннотация. В основу исследования положены данные об актах сотрудничества различных категорий крестьянского населения с революционной властью. Актуальность проблемы заключена в минимальной исследованности этих вопросов, поскольку в историографии изучалось, преимущественно, конфликтное поведение крестьян. Указано на наличие большого количества форм взаимодействия крестьян как с февральской, так и с октябрьской властью в 1917 г. С помощью методов текстологического анализа дан анализ приветственных телеграмм в Государственную думу. Сделан промежуточный вывод о том, что стремление крестьян взаимодействовать с властью не вело напрямую к понижению градуса социального конфликта. Обращено внимание на наличие в 1905–1907 гг. и 1917 г. так называемых «зон пониженной активности» крестьянских выступлений. Задавшись вопросом о причинах существования таких зон, авторы обратились к сравнительному анализу ситуации на уездно-волостном уровне (на примере Острогожского и Богучарского уездов), сделав вывод о том, что традиционное объяснение существования таких зон небольшой долей частновладельческого землевладения не вполне объясняет ситуацию. Предложено объяснение складывавшейся ситуации более сложным комплексом социально-экономических, социально-политических и социально-бытовых факторов, а также проблемами источникового характера.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг.; революция 1917 г.; крестьянское движение; социально-политический диалог; регулирование социальных конфликтов

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00115А «Социально-политический диалог в послефевральской и послеоктябрьской России (1917–1918): тенденции, механизм, региональные особенности».

Для цитирования: Разиньков М.Е. Социально-политическая активность крестьян Воронежской губернии в 1917 г.: сотрудничество с властью и география пониженной конфликтности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 189. С. 181–188. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-181-188

Abstract. The research is based on data on acts of cooperation of various peasant population categories with the revolutionary authorities. The relevance of the problem lies in the minimal study of these issues, since historiography studied mainly the conflict behavior of peasants. We point to the presence of a large number of forms of interaction between peasants both with the February and October authorities in 1917. Using the methods of textual analysis we give the analysis of the welcoming telegrams to the State Duma. An intermediate conclusion was made that the desire of the

peasants to interact with the authorities did not lead directly to a decrease in the social conflict degree. Attention is drawn to the presence in 1905–1907 and 1917 so-called “zones of low activity” of peasant revolts. Asking the question about the reasons for the existence of such zones, we turn to the comparative analysis of the situation at the county-volost level (using the example of Ostrogozhsky and Bogucharsky districts), concluding that the traditional explanation of the existence of such zones with a small share of private land ownership does not fully explain the situation. An explanation of the emerging situation is offered by a more complex of socio-economic, socio-political and socio-everyday factors, as well as source problems.

Keywords: revolution of 1905–1907; revolution of 1917; peasant movement; social and political dialogue; regulation of social conflicts

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project no. 19-09-00115A “Social and political dialogue in post-February and post-October Russia (1917–1918): trends, mechanism and regional features”.

For citation: Razinkov M.E. Sotsial'no-politicheskaya aktivnost' krest'yan Voronezhskoy gubernii v 1917 g.: sotrudnichestvo s vlast'yu i geografiya ponizhennoy konfliktnosti [Social and political activity of Voronezh Governorate peasants in 1917: cooperation with the authorities and geography of reduced conflicts]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 189, pp. 181-188. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-181-188 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Длительное время социально-политическая активность крестьянства изучалась как проявление протестных действий. Учитывались формы, динамика, география распространения крестьянских выступлений. Вместе с тем накопленный материал позволяет ставить уже несколько иные вопросы. Во-первых, крестьяне не только конфликтовали, но и сотрудничали с революционной властью: сначала февральской, затем – октябрьской. Во-вторых, мы можем зафиксировать не только зоны конфликтности, но и зоны пониженного количества аграрных выступлений. Понимание этого феномена невозможно без сравнительного анализа событий 1905–1907 и 1917 гг. В данном исследовании будут рассмотрены не традиционные формы протестной активности крестьян, а закономерности географии отсутствия таковой, а также проявления доброй воли крестьян сотрудничать с органами революционной власти на протяжении 1917 г.

Ранее нами уже исследовались формы сотрудничества крестьян с властью. Это – обращения во власть (как центральную, так и местную), включавшие просьбы разрешить сложившуюся конфликтную ситуацию, и заявления о солидарности с правительством; участие в органах революционного самоуправления; созыв собственных съездов и организация крестьянских секций Советов; совместные акции с рабочими, солдатами; поддержка партий; переговоры с землевла-

дельцами, участие крестьян в собраниях союза землевладельцев; попытки решить земельные вопросы через земельные комитеты. Нами также отмечалось, что власти на протяжении всего дооктябрьского периода стремились решать аграрные конфликты мирным путем, надеялись на благоразумие крестьян. Кроме того, в марте–октябре 1917 г. довольно четко обозначились социальные силы, которые, так или иначе, стремились к стабилизации ситуации в деревне. Помимо землевладельцев-дворян, среди таковых были крестьяне-отрубники, сельская интеллигенция, духовенство и, в определенной степени, зажиточные крестьяне [1].

Исследования показывают, какую важную роль в политической культуре революционной эпохи играли обращения во власть [2–8]. На протяжении всей весны 1917 г. в воронежской деревне шла кампания поддержки Государственной думы путем отсылки приветственных телеграмм. В фондах РГИА нами обнаружено 70 таких телеграмм¹. Посылались они, как правило, от лица сельского схода, в котором участвовали и другие представители деревенского населения (впрочем, значимую величину представляли лишь священники, чьи подписи присутствовали в 12 телеграммах (17,1 %)). Поддержка крестьянством Государственной думы была связана с укоренившимся представ-

¹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1278. Оп. 5. Ед. хр. 1341. Л. 1-73.

лением о ней как о защитнице, с Думой же изначально были связаны надежды на получение земли. Эта тенденция ярко проявилась в губернии еще в годы Первой российской революции². Характерно, что крестьяне губернии, в отличие от горожан, почти не участвовали в телеграммной кампании в адрес непосредственно Временного правительства.

Образ депутатов героизировался – они представлялись борцами, совершившими подвиг в форме служения Родине и свержения самодержавия. Такие формулировки присутствуют не менее чем в 27 % телеграмм. Мы также наблюдаем попытки формирования вождистского культа М.В. Родзянко. 18,6 % телеграмм адресуют приветствия лично ему. Участники Березовского волостного схода Воронежского уезда полагали, что председатель Госдумы – это «гражданин свободы... в решительный момент с ненавистным режимом старой власти поднявший и с достоинством пронесший знамя свободы России до полной победы»³. В аналогичных фразах выражались представители «съезда комитетчиков» Синявской волости Новохоперского уезда⁴. С другой стороны, очевидно, что крестьяне не видели значительной разницы между Думой и правительством, полагая, что парламент бывшей империи обладает реальным политическим влиянием. Приветствия «народным избранникам» содержатся в 27,1 % посланий, одновременно приветствия Временному правительству – в 32,9 %.

Телеграммы содержат незначительное количество рациональных требований к Государственной думе. Пожелания скорейшего получения «земли и воли» присутствуют только в 5 телеграммах (7,1 %), созвать Учредительное собрание для скорейшего закрепления демократических свобод – в 6 (8,6 %), вести войну до победного конца (в том числе «в единении с союзниками») – в 14 (20 %). Высказывались просьбы довести начатое до конца, не допустить реставрации царизма («да не ослабеет клич освобожденного народа») (10 %). Однако мы должны понимать, что основной целью приветственных кампа-

ний было – оказать эмоциональную поддержку революционному режиму. В этом отношении крестьянские телеграммы свою задачу вполне выполняли. 18,6 % посланий содержали признания в «неизъяснимом восторге», воодушевлении, радости и счастье. 22,9 % говорили о полной поддержке, 28,6 % – о готовности положить все силы на благо Родины. Немало телеграмм содержат уверения в искренности посланий, сохранении вечной благодарности, уважении, доверии, признании. Столь же ярко отражено неприятие прежней власти (38,6 %) и ожидание «яркой зари светлых дней» на началах равенства, братства, свободы и правды (21,4 %). Образ царского правительства демонизировался с помощью исторических аналогий («опричники», «иго»), а также образа военного врага («внутренний немец»).

Часть посланий содержат призывы к единству: сплочению граждан, недопустимости выступления правых и левых сил от лица крестьянства, всем трудящимся – забыть партийные распри, обещания оказать хлебом поддержку армии и рабочим (24,3 %). «Пусть путь будет усеян розами любви к ближнему как к самому себе!», – восклицали адресанты одной из телеграмм⁵. Одновременно, требования насильственного передела власти и собственности были единичными. В частности, только в одной телеграмме зафиксировано стремление крестьян поделить землю до Учредительного собрания⁶.

География распространения сведений о переговорах с революционной властью в постфевральский период указывает на то, что действия эти предпринимались в уездах, отличавшихся высокой конфликтностью крестьян как в 1917, так и в 1905–1907 гг. Например, 52,9 % приветственных телеграмм в Государственную думу исходят из чрезвычайно конфликтных Воронежского, Острогожского и Бобровского уездов. Это указывает на то, что переговоры с властью совсем не означали снижения интенсивности крестьянского движения, а скорее, указывают на относительную политическую зрелость местного населения.

Реальное взаимодействие с различными социальными слоями и властью осуществлялось, прежде всего, в губернском и уездных

² Воронежский телеграф. 1906. 6 апр. С. 2; ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 722. Л. 154-154об.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Ед. хр. 1341. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 59.

⁵ Там же. Л. 51.

⁶ Там же. Л. 70.

городах. До самого конца 1917 г. четко обозначалась тенденция крестьянских съездов поддерживать ПСР, что видно не только из состава ноябрьского губернского крестьянского съезда в Воронеже (487 эсеров и 35 большевиков)⁷, но и, конечно, из результатов голосования в Учредительное собрание. Влияние левых эсеров на ноябрь–декабрь 1917 г. представляется ничтожным (почти все депутаты ноябрьского съезда дисциплинированно голосовали за резолюции ПСР) и объясняется тем, что основу местного отделения ПЛСР составила отколовшаяся в сентябре воронежская городская организация ПСР, не имевшая влияния в деревне.

Одновременно, большевистская власть тоже не оказалась «подвешенной в воздухе», опершись, в первую очередь, на возвращавшихся с фронта солдат, стремившихся поучаствовать в осуществлении революционной власти и перераспределении земли. Советы крестьянских депутатов нового состава, поддерживавшие большевиков и левых эсеров, состояли в основном из них. Они же, вступая в контакт с сельскими активистами, организовывали крестьянские дружины. Например, Т.И. Горяинов вспоминал, что при создании в середине декабря 1917 г. Совета солдатских и крестьянских депутатов в с. Верхняя Гнилуша Павловского уезда «было избрано 174 депутата, все – демобилизованные солдаты» [9, с. 109]. В соседнем Острогожском уезде матрос-черноморец И.Ф. Шкарупа, ведший агитацию в родной Колыбелке еще весной 1917 г., возвратившись домой окончательно в начале 1918 г., быстро сколотил отряд, ставший надежной опорой большевистско-левоэсеровской власти, распространив влияние не только на соседние села, но и установив связь с Бобровом, Павловском и Лискама⁸. Иначе говоря, крестьяне продолжали сотрудничать с властью, но при этом социально-активные категории изменились. Теперь это уже были возвращавшиеся домой отходники и, особенно, демобилизованные солдаты, осуществлявшие передел власти и собственности.

Иначе говоря, описывая характер крестьянского движения и, шире, социально-по-

литического движения в деревне 1917 г., исследователь должен понимать, что имеет дело не с исключительно разрушительным процессом, а с разнонаправленным крестьянским активизмом. При этом говорить о некоем обобщенном образе «крестьянства» означает обезличивать ситуацию в деревне.

Выше мы уже указали на то, что различные категории сельского населения стремились к сотрудничеству с властью, но, понятно, с разными целями. Сложность ситуации в деревне не ограничивается этим. Дело в том, что подавляющее большинство крестьян проявляло как раз политическую индифферентность. Несмотря на то, что попытки конструктивного взаимодействия с властью фиксировались практически во всех уездах, на волостном уровне картина была далеко не такой однородной. Например, наличие только 70 телеграмм из губернии, посланных в адрес Государственной думы, указывает, что в «телеграммной кампании» участвовало подавляющее меньшинство крестьян, ибо в губернии насчитывалось на тот момент 239 волостей. Одновременно, сравнивая территорию крестьянских выступлений 1917 г. с крестьянским движением 1905–1907 гг., мы видим наличие уездов, в которых протестные действия проявлялись стабильно реже. Советскими историками В.А. Степным и П.Г. Моревым [10; 11] предпринимались значительные усилия для выявления любых фактов противодействия власти, и, хотя их исследования в плане количественного подсчета нельзя признать совершенными, все же нужную тенденцию мы видим достаточно хорошо. В обоих случаях невысокими показателями отличились Богучарский, Нижнедевицкий и Коротоякский уезды. Объяснить эти цифры исключительно несовершенством источниковой базы (в действительности, очень проблемной для Воронежской губернии) нельзя. Еще одним объяснением служит неразвитость в этих уездах помещичьего землевладения. Однако и этот тезис не полностью объясняет ситуацию, поскольку свыше 70 % крестьян губернии и до реформы 1861 г. не принадлежали помещикам, причем к 1905 г. дворянское землевладение здесь сократилось на 40 % [12, с. 158–159]. Если исходить из тезиса о преобладании помещичьего землевладения в уездах, то получается, что в губернии должно быть мало вы-

⁷ Воронежский телеграф. 1917. 23 нояб. С. 2–3.

⁸ ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 571. Л. 1–27.

ступлений, в то время как и в 1905–1907, и в 1917 г. губерния была весьма активной в плане аграрного движения. В ней зафиксировано 736 различных проявлений крестьянского движения. Для сравнения, в «помещичьей» Курской губернии, по подсчетам В.А. Степанина, таковых было 608 [13, с. 156; 14, с. 287].

Для более внимательного изучения ситуации в сельской местности, сложившейся в 1917 г., обратимся к микроисторическому методу и сравним два соседних уезда – Острогжский, где волнения крестьян были стабильно частыми, и Богучарский, в котором наблюдалась противоположная ситуация.

В 1905–1907 гг. в Острогжском уезде было зафиксировано 114 конфликтов в 42 населенных пунктах (преимущественно, слободах и селах, меньше – в хуторах). При этом крестьянские выступления произошли в 13 волостных центрах и 20 волостях из существовавших на тот момент 25. Не охваченными крестьянским движением оказались Рибенсдорфская, Карпенковская, Лушниковская, Лысянская, Старо-Калитвянская волости. При этом надо учесть, что Рибенсдорф был населен зажиточными немецкими колонистами, а Лушниковская волость представляла собой окрестности Острогжска, вокруг которого отмечались массовые крестьянские волнения (иначе говоря, отсутствие выступлений можно как раз объяснить несовершенством источниковой базы). В свою очередь, с марта по октябрь 1917 г. было зафиксировано 91 выступление, что уступает интенсивности выступлений в Первой российской революции только на первый взгляд, поскольку мы имеем дело со статистикой меньше, чем за один год.

В свою очередь, в Богучарском уезде в 1905–1907 гг. произошло 39 конфликтов в 11 волостях из 32. 6 охваченных волнениями волостей имели значительный частновладельческий клин, хотя только в двух (Шуриновской и Березовской) он являлся преобладающим. Тем не менее зависимость от наличия в волости частных владений прослеживается достаточно четко. В охваченных волнениями волостях находились 95 усадеб и 15 частновладельческих хуторов из, соответственно, 126 и 24. Представляется, что дополнительную, но важную роль в эскалации конфликтов сыграло то, что в Шуриновской и Березовской волостях дворянская запашка

занимала только малую долю от общей площади частных владений, в то время как общинные земли были запаханы почти все. Как представляется, земельный голод вызывал конфликты даже там, где земли у дворян было очень мало или существовало сугубо монастырское землевладение (Воробьевская, Березняговская, Монастыришская, Старо-Криушанская). Исходя из сказанного, ожидаемым выглядит низкая протестная активность Богучарщины до ноября 1917 г. (31 выступление).

Зависимость интенсивности конфликтов от наличия дворянского землевладения видна и из сравнения уездов по площадям запашки. По данным на 1914 г., в Острогжском уезде частновладельческая запашка составляла 33,3 % общей площади зерновых культур и картофеля, а в Богучарском – только 11,5 %⁹. Земские статистики неоднократно отмечали, что частновладельческие хозяйства существенно превышали крестьянские также и в урожайности¹⁰.

Вместе с тем мы видим некоторые особенности, которые позволяют задуматься над тем, чтобы скорректировать приводимые выводы. Во-первых, в значительном большинстве волостей Богучарского уезда частные владения все же присутствовали, но сведений о конфликтах из них не поступало. Во-вторых, в Ново-Белянской, Михайловской, Старо-Меловатской волостях присутствовало большое количество частновладельческих земель, а Писаревская волость представляла аналог Шуриновской и Березовской, то есть частные земли там преобладали. В них находились 19 усадеб и 1 частновладельческий хутор, которые, конечно, могли стать предметом крестьянских претензий, но этого не происходило. Получается, что все приведенные выше факторы (преобладание или значительное количество дворянских земель, наличие дворянских усадеб) могли и не вести к конфликту. Объяснить же «молчание» волостей источниками проблемами и наличием дворянского землевладения, таким образом, полностью не удастся (впрочем, по некоторым данным, погром имения Прут-

⁹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. / под ред. Д.Г. Тюменева. Воронеж, 1916. С. 6, 13.

¹⁰ Там же. С. 13; Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 г. / под ред. Д.Г. Тюменева. Воронеж, 1908. С. 14.

ченко в Писаревской волости все же произошел).

Сравнение Острогожского и Богучарского уездов показывает, что их различия зачастую не так уж и велики. Это были уезды, сходные по плотности населения (на январь 1914 – 54 человека на квадратную версту в Богучарском и 55,2 в Острогожском уезде, причем с тенденцией к снижению) и национальному составу. Удельный вес дворянского землевладения здесь также снижался, а арендная плата была сравнительно невысока (4 и 7 рублей соответственно вместо 21 р. 50 коп. в Землянском уезде). Оба уезда отличались высокой степенью капитализации, усовершенствованием орудий труда, что отличало их от ряда других уездов той же Воронежской губернии и даже соседей по субрегиону. Население Острогожского и Богучарского уездов живо откликнулось на столыпинскую аграрную реформу: соответственно 12,2 и свыше 20 % крестьянского населения выделилось в отруба и хутора. Особенно примечательно, на наш взгляд, наблюдение, высказанное А.В. Лесных, о том, что высокие темпы экономического развития региона (особенно, Богучарского уезда) привели к резкому снижению отходничества, поскольку местные хозяйства поглощали излишек рабочих рук [15, с. 14-15].

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что известные крестьянские проблемы начала XX века (отсталая культура хозяйствования, перенаселение и пр.) в этих уездах, в общем-то, конструктивно решались и, следовательно, мирным инициативам властей в 1917 г. было на кого опереться: отрубники, хуторяне, зажиточные крестьяне, местное дворянство, духовенство представляли собой категории, объективно заинтересованные в мирном развитии событий и составляли значительный, а главное, первоначально авторитетный сегмент населения.

Наличие в губернии значительного числа уездов с небольшим количеством частновладельческих земель также объективно способствовало тому, чтобы конфликт мог быть урегулирован более конструктивно, нежели это стало происходить. Характерно, что в ходе Первой российской революции наиболее многочисленные крестьянские братства ПСР возникали в уездах с не самым очевидным преобладанием частного землевладения,

причем достигнуть значительных размеров они могли только там, где основная масса крестьян видела хоть какую-то пользу от раздела частновладельческой земли. В уездах же и населенных пунктах, где польза от таких переделов была незначительной, а экономическая ситуация благополучной, братства обычно были маловлиятельными (что, впрочем, не исключало и даже подстегивало крайний радикализм их участников). Показательным в этом смысле является положение в с. Старая Меловая Богучарского уезда с населением около 8000 человек, в котором в братство с трудом удалось собрать 6 человек¹¹, и это притом, что в волости имелся солидный частновладельческий клин.

Представляется также, что наблюдаемый исследователями раскол по сословному принципу (дворяне–крестьяне), не только дополнялся проблемами малоземелья, перенаселения, засух, экономическими пережитками крепостнической системы, но и углублялся революционными партиями. Продолжая рассуждения по поводу избранных двух уездов, можно указать, что Острогожск являлся крупным революционным центром как в 1905, так и в 1917 г., причем доминирование левых социалистов было здесь очевидным. Неудивительно поэтому, что город стал центром распространения влияния Октябрьского режима в соседние уезды (Павловский, Коротояжский). Однако обвинять в поощрении сельских переделов земли исключительно большевиков было бы абсолютно неправильно. Возмущенный корреспондент газеты «Воронежский телеграф» писал о том, что «подлинное» аграрное движение началось в Богучарском уезде в декабре 1917 г. с подачи эсеров, которые стали полностью контролировать власть в Богучаре и на прошедшем уездном земском съезде, по сути, спровоцировали крестьян на погромы¹². Сходная ситуация наблюдалась летом 1917 г. в Бобровском уезде¹³.

Подводя итог, можно сказать, что в различных уголках губернии, на уровне уездов, волостей и даже отдельных населенных пунктов, действовали свои траектории развития конфликта, существовали объективные причины для его возникновения. Однако для

¹¹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 112.

¹² Воронежский телеграф. 1918. 24 (11) февр. С. 3.

¹³ ГАВО. Ф. И-104. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 15, 17-18.

нас очевидно наличие и социальных сил, и столь же объективных, как и в случае с конфликтом, предпосылок, которые смогли бы направить развитие событий 1917 г. в мирное русло. Стоит только сожалеть о том, что

пришедшие к власти люди не сумели разглядеть эти возможности, сделав ставку на, так или иначе, насильственный передел земельной собственности, эскалацию политического напряжения.

Список литературы

1. *Разиньков М.Е.* Власть, общественно-политические организации и крестьяне в 1917 г.: возможности конструктивного взаимодействия // *Клио*. 2019. № 10. С. 80-87.
2. *Шуляковский Е.Г.* Переписка В.И. Ленина с воронежцами. Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1960. 96 с.
3. *Шуляковский Е.Г.* В.И. Ленин и трудящиеся Черноземного центра. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1977. 278 с.
4. *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 344 с.
5. *Гришакова Л.В.* Письма советских граждан В.И. Ленину (1917–1920) как исторический источник // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2014. № 4. С. 107-111. URL: <http://vestospu.ru/archive/2014/articles/Grishakova4-12.html> (дата обращения: 17.05.2020).
6. *Усманова Д.М.* Приветственные телеграммы мусульманского населения России как барометр общественных настроений (март–апрель 1917 г.) // *Российский либерализм и Государственная дума России в начале XX века. 11 Муромцевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Д.В. Аронова. Орел, 2019. Ч. 3. С. 189-200.*
7. *Усманова Д.М.* Февраль 1917-го в телеграммах от мусульманского населения России // *Таврические чтения–2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Т. 2. Ч. 2. С. 133-143.*
8. *Журавлев В.В.* Политическая адаптация в Гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // *Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2015. С. 121-144.*
9. *За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917–1918 годах / под ред. И.Г. Воронкова и Т.М. Севастьяновой. Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1957. 142 с.*
10. *Степынин В.А.* Хроника революционных событий в деревне Воронежской губернии (1861–1917 гг.). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 174 с.
11. *Морев П.Г.* Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март–октябрь 1917 г.). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961. 104 с.
12. *Карпачев М.Д.* Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в.: сб. ст. / отв. ред. М.Д. Карпачев. Воронеж, 1995. С. 157-177.*
13. *Степынин В.А.* Крестьянство Черноземного центра в революции 1905–1907 гг. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 166 с.
14. *Разиньков М.Е., Михалев О.Ю., Рылов В.Ю.* Воронежская губерния в Первой российской революции (1905–1907 гг.). Воронеж: Истоки, 2006. 312 с.
15. *Лесных А.В.* Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009. 22 с.

References

1. Razinkov M.E. Vlast', obshchestvenno-politicheskiye organizatsii i krest'yane v 1917 g.: vozmozhnosti konstruktivnogo vzaimodeystviya [Power, social and political organizations and peasants in 1917: opportunities for constructive interaction]. *Klio*, 2019, no. 10, pp. 80-87. (In Russian).
2. Shulyakovskiy E.G. *Perepiska V.I. Lenina s voronezhtsami* [V.I. Lenin's Correspondence with Voronezh Residents]. Voronezh, Voronezh Book Publ., 1960, 96 p. (In Russian).
3. Shulyakovskiy E.G. *V.I. Lenin i trudyashchiyesya Chernozemnogo tsentra* [V.I. Lenin and the Workers of the Black Earth Center]. Voronezh, Black Earth Center Publ., 1977, 278 p. (In Russian).
4. Livshin A.Y. *Nastroyeniya i politicheskiye emotsii v Sovetskoy Rossii: 1917–1932 gg.* [Moods and Political Emotions in Soviet Russia: 1917–1932]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 344 p. (In Russian).

5. Grishakova L.V. Pis'ma sovetskikh grazhdan V.I. Leninu (1917–1920) kak istoricheskiy istochnik [Letters from Soviet citizens to V.I. Lenin (1917–1920) as a historical source]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal – Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2014, no. 4, pp. 107–111. (In Russian). Available at: <http://vestospu.ru/archive/2014/articles/Grishakova4-12.html> (accessed 17.05.2020).
6. Usmanova D.M. Privetstvennyye telegrammy musul'manskogo naseleniya Rossii kak barometr obshchestvennykh nastroyeniy (mart–aprel' 1917 g.) [Welcome telegrams from the Muslim population of Russia as a barometer of public sentiment (March–April 1917)]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rossiyskiy liberalism i Gosudarstvennaya дума Rossii v nachale XX veka. 11 Muromtsevskie chteniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Russian Liberalism and the State Duma of Russia in the Early of 20th Century”. 11th Muromtsev Readings]. Orel, 2019, pt 3, pp. 189–200. (In Russian).
7. Usmanova D.M. Fevral' 1917-go v telegrammakh ot musul'manskogo naseleniya Rossii [February 1917 in telegrams from the Muslim population of Russia]. *Tavricheskiye chteniya–2016. Aktual'nyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tavrisheskiye Readings–2016. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity]. St. Petersburg, 2017, vol. 2, pt 2, pp. 133–143. (In Russian).
8. Zhuravlev V.V. Politicheskaya adaptatsiya v Grazhdanskoy voyne: opyt sravnitel'nogo analiza privetstvennykh poslanii naseleniya Sibiri predsedatelyu Sovnarkoma V.I. Ul'yanovu-Leninu i Verkhovnomu pravitel'yu admiralu A.V. Kolchaku [Political adaptation in the civil war: the experience of a comparative analysis of greetings to the population of Siberia to the chairman of the Council of People's Commissars V.I. Ulyanov-Lenin and the Supreme Ruler Admiral A.V. Kolchak]. *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka* [Political Adaptation of the Siberia Population in the First Third of the 20th Century]. Novosibirsk, 2015, pp. 121–144. (In Russian).
9. Voronkov I.G., Sevastyanova T.M. (eds.). *Za vlast' Sovetov. Sbornik vospominaniy uchastnikov revolyutsionnykh sobytiy v Voronezhskoy gubernii v 1917–1918 godakh* [For the Power of the Soviets. Collection of Memoirs of Participants in the Revolutionary Events in the Voronezh Governorate in 1917–1918]. Voronezh, Voronezh Book Publ., 1957, 142 p. (In Russian).
10. Stepynin V.A. *Khronika revolyutsionnykh sobytiy v derevne Voronezhskoy gubernii (1861–1917 gg.)* [Chronicle of Revolutionary Events in the Village of Voronezh Governorate (1861–1917)]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1977, 174 p. (In Russian).
11. Morev P.G. *Krest'yanskoye dvizheniye v Voronezhskoy gubernii nakanune Oktyabr'skoy revolyutsii (mart–oktyabr' 1917 g.)* [Peasant Movement in Voronezh Governorate on the Eve of the October Revolution (March–October 1917)]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1961, 104 p. (In Russian).
12. Karpachev M.D. Stolypinskaya reforma v Voronezhskoy gubernii: itogi i uroki agrarnogo reformirovaniya [Stolypin reform in Voronezh governorate: results and lessons of agrarian reform]. *Obshchestvennaya zhizn' v Tsentral'noy Rossii v XVI – nachale XX v.* [Social Life in Central Russia in the 16th – Early 20th Centuries]. Voronezh, 1995, pp. 157–177. (In Russian).
13. Stepynin V.A. *Krest'yanstvo Chernozemnogo tsentra v revolyutsii 1905–1907 gg.* [Peasantry of the Black Earth Center in the Revolution of 1905–1907]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1991, 166 p. (In Russian).
14. Razinkov M.E., Mikhalev O.Y., Rylov V.Y. *Voronezhskaya guberniya v Pervoy rossiyskoy revolyutsii (1905–1907 gg.)* [Voronezh Governorate in the First Russian Revolution (1905–1907)]. Voronezh, Istoki Publ., 2006, 312 p. (In Russian).
15. Lesnykh A.V. *Otnosheniye krest'yan Voronezhskoy gubernii k sovetskoy vlasti (1917–1921 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Attitude of the Peasants of the Voronezh Governorate to the Soviet Regime (1917–1921). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2009, 22 p. (In Russian).

Информация об авторе

Разиньков Михаил Егорович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук. Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: razinkov_mihail@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2175-9759>

Поступила в редакцию 17.08.2020 г.
Поступила после рецензирования 14.09.2020 г.
Принята к публикации 20.10.2020 г.

Information about the author

Mikhail E. Razinkov, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of Social and Humanities Sciences Department. Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russian Federation. E-mail: razinkov_mihail@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2175-9759>

Received 17 August 2020
Reviewed 14 September 2020
Accepted for press 20 October 2020